

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

© 2017 г. Людмила Александровна Морозова¹

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с современной трактовкой теории государственного суверенитета. Раскрывается содержание категории “государственный суверенитет”, ее основополагающие свойства. Приводятся аргументы против разграничения формально-юридического и фактического суверенитетов государства. Отмечается некорректность положения о самоограничении государством суверенитета в процессе участия в международном общении. Высказываются авторские соображения об иерархии понятий народного, национального и государственного суверенитетов, а также о соотношении международного права и национального права.

Ключевые слова: государственный суверенитет, верховенство государственной власти, независимость, неделимость суверенитета, неотчуждаемость, ограничение и самоограничение суверенитета.

Key words: state sovereignty, the rule of state power, independence, the indivisibility of sovereignty, inalienability, limitation and self-limitation of sovereignty.

Как справедливо отмечается в отечественной юридической литературе, именно государственный суверенитет делает государство государством. Суверенитет составляет основополагающий признак государства, определяющий его бытие.

Между тем в условиях интенсификации в современную эпоху глобализационных процессов само понятие объявляется устаревшим, не отвечающим нынешним реалиям государственно-правовой жизни, нередко полностью отрицается его значимость и даже прогнозируется отмирание системы суверенных национальных государств. Тем самым формируется идеология нигилизма применительно к государственному суверенитету.

Сказанное диктует необходимость детально проанализировать с современных позиций теорию государственного суверенитета, рассмотреть динамику ее развития с момента зарождения и трансформацию в нынешних условиях. При этом необходимо иметь в виду, что автор статьи высказывает собственную позицию, не претендуя на истинность и непоколебимость.

По всеобщему признанию, понятие суверенитета было введено в научный и политический оборот в XVI в. и связано с именем французского мыслителя Ж. Бодена (1530–1596). В своем главном труде “Шесть

книг о республике” (1576) он изложил собственные взгляды на государство и трактовку государственного суверенитета. Считается, что в античные времена и Средневековье понятие государственного суверенитета не использовалось.

Уже во второй половине XVI в. Ж. Боден объявил государственный суверенитет обязательным атрибутом государства, который сосредоточивается в руках суверена (правителя, государя), и выделял основополагающие свойства суверенитета. Многие из этих свойств присущи современным государствам и признаются неотъемлемыми чертами государственного суверенитета.

По мысли Ж. Бодена, государственный суверенитет — это абсолютная, верховная, постоянная, непрерывная и вечная власть на одной территории, которая не может быть никем отчуждена. Эта власть ни с кем не делится, никто не вправе стоять над ней или рядом с ней, конкурировать с ней. Эта власть бессрочная, но она имеет пределы своего существования — территорию данного государства и распространяется на подданных этого государства.

Кроме территориального предела осуществления государственного суверенитета другим его пределом являются божественные и естественные законы и право частной собственности. Однако отвергается установление каких-либо пределов для реализации абсолютного суверенитета со стороны церкви, парламента, министров или гражданских законов.

К признакам государственного суверенитета Ж. Боден относил **верховенство** государственной власти, стоящей выше всяких человеческих законов и свободно распоряжающейся жизнью и

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (E-mail: ktgp@msal.ru).
Lyudmila Morozova, professor of chair of the theory of state and law of the Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor (E-mail: ktgp@msal.ru).

смертью своих подданных, а также **единство, неделимость** суверенитета и право суверенной государственной власти на издание законов. Последнее право Ж. Боден считал одним из главных отличительных свойств государственного суверенитета. В отечественной литературе отмечается, что мыслитель признавал право суверена на издание законов, но не на создание права, различая категории права и закона: право “несет с собой справедливость, а закон — приказ”².

Можно констатировать удивительную прозорливость, интеллектуальное богатство и фундаментальность воззрений Ж. Бодена относительно понимания государственного суверенитета, которое в основных своих чертах сохранилось и до наших дней.

За прошедшие столетия теория государственного суверенитета претерпела значительные изменения, совершенствовалась в соответствии с теми модификациями, которые претерпели общественные отношения, способы и средства их регулирования, реализация внутренних и внешних политико-правовых проблем государств. Вместе с тем теория государственного суверенитета не утратила своей актуальности, а напротив, приобрела особую остроту в связи с развивающимися процессами интеграции, глобализации, утверждения нового миропорядка, основанного на гармонизации национальных интересов и интересов мирового сообщества.

Все последующие за Ж. Боденом разработки понятия государственного суверенитета осуществлялись главным образом в целях уточнения носителя суверенитета: он связывался не с личностью правителя, а с государством (французская политическая мысль XVI—XVII вв.) для установления соотношения между государственным суверенитетом и суверенитетом народа как выражением общей воли (Ж.-Ж. Руссо); введения понятия общего субъекта суверенитета, которым выступает государство как союз свободных людей (Г. Гроций).

Важнейшим этапом в развитии теории суверенитета стало учение Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете, который возможен только в обществе, основанном на господстве общей воли. Мыслитель отмечал, что народ, общая воля и народный суверенитет существуют до тех пор, пока соблюдается общественный договор, с которым Ж.-Ж. Руссо связывал возникновение государства. Именно общественный договор наделяет государство неограниченной властью над всеми его членами. Следовательно, власть государства, управляемая общей волей, образует единый, неделимый,

неотчуждаемый суверенитет народа, который принадлежит каждому члену общества. По мысли Ж.-Ж. Руссо, суверенитет народа — это всегда законное, справедливое и полезное соглашение, основанное на общественном договоре, а подчинение граждан такому соглашению есть подчинение собственной воле.

К заслугам Ж.-Ж. Руссо относится разработка оснований, необходимых для практического воплощения народного суверенитета. Среди них он называл незначительную территорию государства, малочисленное население, общественное равенство, простоту общественной жизни. Условиями, мешающими претворению в жизнь народного суверенитета, Руссо считал несовершенство человека и общества, стремление к узурпации власти со стороны правительства и т.д. И хотя Руссо пришел к выводу, что идея народного суверенитета, господства общей воли не осуществима, тем не менее народный суверенитет служит единственным основанием для принятия в стране справедливых законов и проведения правильной политики.

Учение Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете оказало серьезное влияние на деятелей Великой французской революции 1789—1794 гг. (Робеспьер, Марат, де Мабли, де Траси), в частности идея о принадлежности суверенитета народу, о его неотчуждаемости, так как воля не может быть отчуждена. Одновременно это учение было дополнено положением о том, что правители являются слугами государства, обязаны исходить из общей воли народа и повиноваться ей. Для них верховная власть — не право, а **обязанность** представителей по отношению к народу и к государству. Из всей полноты своей власти народ передает представителям только ту часть, которая необходима для поддержания, охраны и защиты порядка, поэтому они не вправе превышать объема переданных им полномочий. В противном случае народ имеет право на восстание, на сопротивление узурпированной власти.

Теория народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо подверглась критике в творчестве другого французского ученого — Ж. де Местра (1754—1821). В труде “Рассуждения о Франции” (1797) он обосновал положение о том, что народный суверенитет — не более чем абстракция и не может быть воплощена во Франции из-за обширности ее территории и вследствие того, что воля народа делегируется его представителям, следовательно, отчуждена от народа.

Де Местр исходил из божественного происхождения власти и суверенитета, полагая, что обязанность подданных подчиняться законам суверена и обязанность суверена подчиняться законам, из которых вытекает его власть, представляют собой две стороны единой обязанности послушания Богу.

² История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1997. С. 181.

Интересны взгляды де Местра на выбор формы правления. Каждое государство, утверждал он, должно быть устроено так, чтобы обеспечить наилучшим образом мир и порядок в стране. Форма правления зависит от географических, исторических, политических и культурных условий конкретного государства, народа, общества.

В развитии теории суверенитета большую роль сыграло творчество Гегеля, который подчинил идею народного суверенитета идее государственного суверенитета, не приемля их противопоставления. Он различал внутренний суверенитет, трактуя его как единство всех властей государства, и внешний суверенитет, т.е. независимость воли государства в межгосударственных отношениях. Носителем суверенитета, по мысли Гегеля, является мировой Разум, воплощенный в разумном государстве. Что касается монарха (правителя), то он выступает личностью государства.

В XX в. сложились две противоположные трактовки государственного суверенитета. Одна из них исходила из неактуальности понятия суверенитета, его устарелости и, следовательно, необходимости отказаться от него или кардинально изменить его содержание. Другая опиралась на идею утверждения суверенного равенства и независимости государств.

Первая из указанных теорий получила название децентрализованного суверенитета, поскольку предполагала приоритет международного правового порядка перед суверенитетом государства. Однако она не приобрела всеобщего признания, так как большинство государств исходило из верховенства власти именно государства, из его абсолютной внешней независимости.

Известно, что признание мировым сообществом государственного суверенитета как универсальной ценности и важнейшего признака государства произошло в результате заключения серии мирных договоров после окончания Тридцатилетней войны, получивших название Вестфальского мира (1648). Это послужило основанием для создания классической модели государственного суверенитета, согласно которой суверенитет обозначает полноту государственной власти на территории данного государства, исключает власть какого-либо иностранного государства на этой территории в сфере международного общения, обеспечивает внутреннюю и внешнюю безопасность, выступает верховным судьей в конфликтах на своей территории и т.д.

В результате изменился международный порядок: провозглашение и признание государственного суверенитета стало обязательным условием существования самостоятельных государств, полноты и верховенства их власти на соответствующей

территории и над собственным населением, самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики, в принятии политических и юридических решений. Таким образом, государство — в полном смысле слова **хозяин** на своей территории. Наличие государственного суверенитета не допускает существования иной власти наряду или вне контроля государства.

Вместе с тем представляется излишним акцент на то, что государственный суверенитет — это признак государства, а не государственной власти. Малоубедителен аргумент сторонников данной позиции относительно того, что рассмотрение государственного суверенитета в качестве свойства государственной власти означает «признание “верховенства” власти небольшой части общества, составляющей государственный аппарат»³.

Приведенное утверждение тем более уязвимо, что автор данной позиции исходит из первенства народного суверенитета, его предпосылки для приобретения государственного суверенитета и предполагает верховное, неотчуждаемое право народа (а не государственного аппарата) определять свою судьбу, быть единственным, не зависимым ни от кого и ни от чего носителем и выразителем верховной власти в государстве и в обществе⁴.

Хотя государство и государственная власть — не тождественные понятия, однако они не существуют друг без друга. Следовательно, государственный суверенитет является непременным признаком государства и одновременно свойством государственной власти как содержательного и сущностного компонента государства. Не может этот важный элемент не обладать признаками и свойствами целого!

Другой аспект государственного суверенитета состоит в том, что, участвуя в международных делах, в различных международных организациях, заключая международные договоры и т.д., государство **не ограничивает свой суверенитет**, как это нередко утверждается в юридической и политологической литературе, а **действует в силу** присущего ему суверенитета, руководствуясь прежде всего собственными интересами и интересами своего народа.

При вступлении в какие-либо международные организации или при заключении с другими государствами международных соглашений объем суверенитета не уменьшается, никакие полномочия, характеризующие верховенство, не утрачиваются. Напротив, государство благодаря членству в

³ Смирнов С.В. Суверенитет в условиях глобализации: вопросы теории и практики. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2011. С. 96.

⁴ См.: там же. С. 104.

международном сообществе приобретает поддержку других государств, входящих в данный союз или заключивших с данным государством договор о сотрудничестве.

Утверждение о том, что, вступая в международное объединение, государство **передает** часть своих полномочий данной организации и тем самым ограничивает свои полномочия в конкретной сфере, также, на мой взгляд, заслуживает определенного уточнения. Если согласиться с этим мнением, то неизбежен вывод, что соответствующий объем полномочий государством утрачивается. Либо логично заключение, что именно в силу обладания суверенитетом государство может свободно, без принуждения со стороны других государств определять, следует ли ту или иную сферу общественной жизни оставлять под собственным контролем (т.е. под руководящим воздействием только внутреннего права), либо использование международно-правовых инструментов нужно признать более эффективным, целесообразным⁵.

Следовать иному суждению — значит, согласиться с тем, что у самых активных государств, являющихся членами многих международных организаций и активно сотрудничающих в межгосударственных отношениях, от государственного суверенитета практически ничего не остается, так как они передали значительную часть своих суверенных полномочий международному сообществу или конкретной международной организации.

Возникает проблема установления так называемой критической массы передаваемых полномочий, за пределами которой государственный суверенитет может считаться полностью утраченным или которая дает основание признать государство несuverенным, т.е. потерявшим свойства государства.

Подобная постановка вопроса (а она неизбежна, если продолжать придерживаться позиции о передаче государством своих суверенных полномочий) чревата серьезными негативными последствиями. Она дает право некоторым государствам, претендующим на статус сверхдержав, объявлять отдельные зависимые от них государства утратившими свой государственный суверенитет, потерявшими его, неспособными эффективно осуществлять государственную власть на своей территории и управлять ею, т.е. считать несостоявшимися государствами. Надо согласиться с теми учеными, которые утверждают: “Если суверен чем или кем-либо ограничен, хотя бы и самим собой, то он а priori перестает быть

сувереном в полном смысле этого слова. И тем более суверен не может быть никому и никак подчинен”⁶.

Таким образом, обязанность государства подчиняться заключенным договорам или установлениям международных организаций, членом которых оно является, вряд ли правильно рассматривать как ограничение его суверенитета или его самоограничение, поскольку суверенитет не делим, не отчуждаем, обладает универсальностью, полнотой, целостностью.

Вместе с тем некоторые исследователи отмечают, что суверенитет не является безграничным, беспредельным, он не предполагает несвязанности государства правом, поскольку государственственный суверенитет — правовая категория⁷. Он связан правом изначально, по своей природе, возник как юридическая характеристика власти, как его правовая способность требовать уважения, признания высшей силы ее решений и действий⁸. Государственный суверенитет представляет собой “возможность в рамках права”, за пределы которого государство не может выйти.

Вследствие этого в международном праве установлены так называемые императивные нормы (*jus cogens*), которым не должен противоречить заключаемый государствами международный договор, иначе он будет признан ничтожным. Таким образом, императивная норма признается мировым сообществом в качестве эталона, отклонение от которого не допустимо, независимо от того, заявило ли данное государство о согласии с императивной нормой или нет.

В настоящее время такая норма предусмотрена ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров. Аналогичная норма содержится в п. 6 ст. 2 Устава ООН, в соответствии с которой обеспечивается выполнение ее принципов государствами, которые не являются членами ООН, если это окажется необходимым в интересах поддержания международного мира и безопасности.

На практике нередко возникает вопрос: не ограничивают ли подобные императивные нормы суверенитета государства? На него нет однозначного ответа. Мировым сообществом не установлено перечня императивных норм. Вместе с тем отдельные ученые считают, что к императивным

⁶ Иванов В. К критике современной теории государства. М., 2008. С. 15.

⁷ См.: Троицкая А.А. Указ. соч. С. 9.

⁸ См.: Антонов М.В. Проблемы имплементации различных доктрин суверенитета в российской правовой системе США в условиях глобализации // Теоретико-правовое осмысление суверенитета в России, Западной Европе и США в условиях глобализации. Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2015. С. 41.

⁵ См.: Троицкая А.А. Государственный суверенитет: ограничение или трансформация содержания? // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 10. С. 7.

нормам следует отнести общепризнанные принципы международного права, в том числе принципы неприменения силы или угрозы силой; территориальной целостности государств; нерушимости государственных границ; суверенного равенства государств; невмешательства во внутренние дела государств; добросовестного выполнения международных договоров; уважения прав и свобод человека и др.

В интересах прочного мирового порядка было бы предпочтительно установить правовой приоритет конкретных международных принципов и закрепить их в авторитетном международном акте в качестве доброй воли всех государств мира. Но это потребует больших организационных усилий со стороны всех государств, чтобы не были ущемлены интересы кого-либо и одновременно соблюдены субъективные права и законные интересы всех и каждого государства. В противном случае навязывание мировым сообществом или группой государств даже тех принципов, которые можно считать общепризнанными, будет означать посягательство на суверенитет государств, не выразивших прямого согласия с конкретными принципами и не проявивших готовности следовать им.

Вряд ли возможно поддержать предложение о введении в понятийно-категориальный аппарат общей теории государства и права понятий **формально-юридического** и **фактического** суверенитетов государства. По аналогии с правовым статусом личности формально-юридический государственный суверенитет предлагается трактовать как правоспособность государства, а фактический суверенитет — как его дееспособность и конкурентоспособность⁹.

Эту позицию разделяет В. Иванов, полагая: «Можно быть формально суверенным, а фактически не суверенным и, значит, формально считаться государством, а фактически таковым не являться»¹⁰. По мнению ученого, речь не может идти о фактическом суверенитете, если государство из-за своей бедности, интеллектуальной, технологической и инфраструктурной отсталости пребывает в политической, экономической и иной зависимости от других государств, международных организаций, транснациональных корпораций, а также если значительная часть территории государства оккупирована либо реально контролируется повстанцами или криминальными группировками. Но значит ли это, что с такими «неудавшимися» государствами (по терминологии В. Иванова) можно не считаться,

оккупировать их, расчленять, устанавливать определенный политический режим, подчинять своим интересам и т.д.?

Разграничение государственного суверенитета на два вида чревато значительными негативными последствиями. Всегда возможно обосновать, что государство по тем или иным причинам потеряло свой фактический суверенитет, а это ведет к утрате и формально-юридического суверенитета. По мнению проф. Г.М. Вельяминова, «суверенитет фактически “делим” и “отчуждаем”, он может быть... частично ограничен (например, на основании международного договора). Он может быть частично делегирован (например, государством в пользу международной организации). Наконец, он может быть вообще утрачен. Где проходит рубеж между частичной или полной утратой суверенитета — вопрос факта, конкретных обстоятельств дела»¹¹.

Представляется, что подобная градация единого суверенитета противоречит его неделимости, качеству цельности, полноты, универсальности. Она не способствует укреплению государственного суверенитета в условиях, когда ради усиления всемирных связей между народами и государствами предлагается ограничить государственный суверенитет или вообще отказаться от понятия суверенного государства.

Малопродуктивным, а главное — практически неоправданным представляется установление **иерархии** понятий народного, национального и государственного суверенитетов. Эти политико-правовые категории являются самостоятельными, относятся к различным сферам государственной и общественной жизни, сосуществуют и взаимно дополняют друг друга, однако **не способны к взаимозамещению**. Без государственного суверенитета невозможен народный суверенитет, поскольку не будут определены пределы его реализации. Национальный суверенитет не всегда воплощается в государственном суверенитете. Вместе с тем государственному суверенитету необязательно предшествует суверенитет народа именно как установление народовластия. И хотя в конституциях многих государств декларируется суверенитет народа, однако существуют государства (главным образом монархической формы правления и теократической типологии), где народовластие не только фактически отсутствует, но даже формально не провозглашается.

⁹ См.: Смирнов С.В. Указ. соч. С. 97.

¹⁰ Иванов В. Указ. соч. С. 17, 18.

¹¹ Теоретико-правовое осмысление суверенитета в России, Западной Европе и США в условиях глобализации. Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. С. 22.

Таким образом, государственный, народный и национальный суверенитеты необходимо рассматривать как самостоятельные категории, не исключают друг друга, но и не всегда присутствующие в конкретном обществе.

Государственному суверенитету в современном понимании присущи четыре главных признака (свойства): **верховенство** внутри страны, **независимость** во взаимоотношениях с другими государствами, **единство** и **неотчуждаемость**.

Верховенство государственной власти внутри страны означает, что выше государства нет другой власти, как и равной ему, а также предполагает ее самостоятельность в определении содержания своей деятельности, ее форм, методов, обеспечительных средств, ее полномочий в установлении режима жизни общества. Государственный суверенитет тесно связан с понятием политической власти, т.е. с реальной способностью субъекта проводить свою волю в политике. Верховенство государственной власти проявляется в ее распространении на всех лиц на территории данной страны и обеспечивается с помощью законов, других государственных предписаний и аппарата власти. Никакая иная власть не вправе присваивать себе функции государственной власти. Отсюда вытекает, что государство: а) распространяет свою власть на всю территорию страны и все ее население; б) определяет весь строй правовых отношений; в) устанавливает правовое положение различных организаций, объединений, рамки поведения и действий физических и юридических лиц; г) регламентирует права, свободы и обязанности личности и других субъектов правовых отношений; д) регулирует компетенцию государственных органов и должностных лиц и т.д.

Универсальность властной силы государства состоит в том, что оно может отменить, признать ничтожным всякое проявление любой другой общественной силы, если она нарушает закон. Государство располагает такими средствами воздействия, охраны и защиты, которыми не обладает никакая другая власть: армия, полиция, тюрьмы, внутренние войска и др. Государству также принадлежит законодательная монополия: никто, кроме государства, не вправе издавать на территории страны общеобязательные предписания (законы)¹².

Верховенство, однако, не означает неограниченности государственной власти. В правовом государстве государственная власть упорядочена в

режиме права, основана на праве и воле народа, управляет правовыми методами.

Носителем верховенства государственной власти в стране является государство в целом, а от его имени субъектом реализации государственного суверенитета выступает государственный аппарат, который должен выражать и защищать интересы государства, народа, общие интересы населения страны.

Другой признак государственного суверенитета – **независимость** связан с самостоятельностью государства в отношениях с иными государствами и с международными организациями, мировым сообществом в целом. Любое государство вправе самостоятельно определять свою внешнюю политику: вступать в какие-либо межгосударственные союзы и организации или нет, заключать международные договоры или отказаться участвовать в них. Но, подписав те или иные международные акты, ратифицировав их в установленном порядке, государство обязано их выполнять.

Таким образом, самостоятельность государственной власти и ее независимость от других властей распространяются не только на внутригосударственное пространство, но и за его пределы.

Такой признак государственного суверенитета, как его **единство**, означает, что суверенитет не может быть ни полностью, ни частично передан другим субъектам политико-правовых отношений, поделен между ними. Он принадлежит исключительно одному субъекту – государству. На единство суверенитета не влияет государственное устройство страны. В федерациях суверенитет не делится между федеральным центром и субъектами федерации. Например, в Российской Федерации республики как субъекты Российской Федерации согласно Конституции РФ не обладают государственным суверенитетом на своей территории. По предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения органы исполнительной власти республик подчиняются федеральным органам исполнительной власти. Республики не являются субъектами международного права: они не могут самостоятельно, от своего имени вступать в отношения с иностранными государствами.

Что касается **неотчуждаемости** государственного суверенитета, то, по словам Г. Еллинека, он “должен означать также неограниченную и не могущую быть ограниченной власть вообще”. Эта власть абсолютна, так как никто, в том числе и

¹² Возможно принятие закона путем референдума. Тем не менее народ непосредственно не создает законов, а лишь вправе проголосовать за их принятие или отвергнуть их.

она сама, не может ее умалить. Следовательно, никто не вправе изъять, ограничить суверенитет государства, но и само государство не может отказаться от своего суверенитета, так как оно в таком случае теряет статус государства. Если же в отношении какого-либо суверенного государства предпринимаются действия в целях ограничения его суверенитета, то они носят не правовой, а противоправный характер.

Все четыре признака обязательно присутствуют в государственном суверенитете. Ни один из них не может быть “потерян”, проигнорирован или недооценен, все они имманентно присущи данному государству. Вместе с тем ни одному из названных свойств не может быть отдан приоритет перед другими, каждое из них значимо для подлинного государственного суверенитета.

В последнее время большое внимание уделяется проблеме соотношения международного и национального права. В российской печати она приобрела дискуссионный характер. Во все времена отечественные ученые-международники относили данное соотношение к сложным, труднорешаемым проблемам юриспруденции.

Думается, что в данном соотношении следует придерживаться позиции проф. И.И. Лукашук¹³. Он совершенно правильно в свое время отмечал, что национальная правовая система и международная правовая система самостоятельны, имеют собственную юридическую природу, свой предмет, формы и методы регулирования, решают каждая свои задачи в своей сфере и с помощью своего механизма. В связи с этим ученый считал некорректным ставить вопрос о примате национального или международного права: они взаимодействуют, взаимно обогащают друг друга, углубляя взаимопонимание и тесное сотрудничество.

Отсюда вытекает, что целесообразнее ставить вопрос не о том, какая система приоритетнее, а добиваться их разумного, справедливого баланса, одновекторного действия, направленного на укрепление государственного суверенитета. Государственный суверенитет безусловно должен составлять фундамент в регулировании международных отношений. Вместе с тем необходим поиск компромисса между национальным и международным правом, поскольку любые действия отдельных государств без учета интересов других стран и народов приводят к дестабилизации и усложнению международной обстановки и международных отношений. Глобализация, как справедливо

пишет проф. И.З. Фархутдинов¹⁴, не ведет к отмиранию института государства, но предъявляет к нему повышенные требования, в том числе в отношении усиления международной ответственности за свои внутренние дела, поскольку государство было и остается главным выразителем и защитником публичных интересов общества.

Что касается современной трактовки понятия государственного суверенитета, то необходимо делать акцент не только на верховенство и независимость государства (что, безусловно, важно), но и на взаимную зависимость, взаимную связанность государств в различных сферах экономической, политической, культурной жизни, в обеспеченности природными, материальными, людскими (кадровыми) ресурсами, современными технологиями, инновационными разработками, иностранными инвестициями, наконец, в защите своих национальных интересов.

Итак, можно сделать следующие выводы.

Государственный суверенитет представляет собой важнейший признак государства и незыблемое основание его самостоятельности, верховенства, независимости, равенства с другими субъектами межгосударственного общения. Государственный суверенитет обладает универсальным характером и не подлежит ограничению. Он сохраняет свою значимость в условиях всеобщей глобализации, трансграничного развития экономических отношений, интеграционной взаимной зависимости государств, поскольку эти обстоятельства диктуют необходимость для каждого государства защищать свои национальные интересы, обеспечивать правовыми средствами контроль над собственными природными ресурсами, производством и потреблением, за доступом иностранного капитала в страну.

Категория государственного суверенитета не является однозначной. Вестфальская ее модель — не единственная в современной науке и практике. Существуют и другие подходы к ее трактовке, тем более что проблематика государственного суверенитета все больше приобретает межотраслевое значение. Это диктует необходимость продолжить обсуждение названной темы в целях углубления ее познания и выработки адекватного понимания государственного суверенитета в национальной политике и в международном общении государств.

¹³ См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Т. I. М., 2005. С. 257, 261.

¹⁴ См.: Фархутдинов И.З. Иностранные инвестиции и экономический суверенитет // Правовое государство: теория и практика. 2008. № 3 (13). С. 15.